ИВАН ГЛЕБОВ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ОСТРОВ

ОСТРОВ • ВЫЖИВАНИЕ • ТАЙНА • ОТЧАЯНИЕ

ОСТРОВ СМЕЁТСЯ

Иван Глебов

Хрустальный остров

«Автор»
2026

Глебов И.

Хрустальный остров / И. Глебов — «Автор», 2026

Лайнер «Роман Силаев» проплывал мимо берега Южной Америки. Судно совершало круиз вокруг земного шара. На нем находились русские туристы, оказавшиеся на корабле весьма причудливым образом. Это обстоятельство создало для них необъяснимую, неразрешимую тайну. На палубе вглядывается в вечерний океан Валерий Рябов. Этот круиз стал для него временным спасением, отложившим встречу со смертельной опасностью.

© Глебов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Иван Глебов
Хрустальный остров

Глава 1

Пассажирский круизный лайнер «Роман Силаев» вышел из порта Санкт-Петербурга, прошёл Атлантический океан с севера на юг с заходом в порты Бразилии и Аргентины, обогнул мыс Фроуорд и вышел в Тихий океан. Судно должно было совершить кругосветное плавание. Сгущались сумерки. Океан был тих, задумчив и сер. Полоска земли давно скрылась за горизонтом. На палубе курил Валерий Рябов пассажир судна, держась за перила ограждения. Полпути пройдено. Ещё недолго – неделя или, может быть, чуть больше и он вернётся на родину. Лучше бы не возвращался. Что же делать? Бежать? Где-нибудь в Китае, Индии или Африке? Что он там будет делать? И потом он не такой, не из тех, кто готов легко расстаться с родной землёй. Ему уже стукнуло пятьдесят. Лучшие годы уже позади. Хороших воспоминаний было немного, и всё равно это всё было его, родное, связанное с близкими и не очень людьми, с друзьями и просто хорошими людьми, которых было немного, тем ценнее была о них память. Всё это и составляет жизнь человека. Бросить родину – это было для него равносильно отрезанию большого куска жизни. А что впереди непонятно. Он был среднего роста с прямыми чертами лица, не сказать, что красив; но и назвать его уродом было бы несправедливо. Короткие его волосы изрядно покрылись пепельной сединой.

Эта путёвка была его спасением. Отправляться в круиз надо было за день до выхода на волю Пинцета. Неужели это было провидение высших неведомых сил? В какое-то мгновение Валерий начал верить в бога и высшую справедливость. Ведь он всю жизнь прожил честно. Он был пенсионером уже в сорок пять лет, отдав службе в правоохранительной системе больше двадцати лет. Служил он участковым в родном посёлке в Егорьевском районе Московской области. Дослужился до капитана. На пенсию особенно не пошикуешь и Валере пришлось искать работу. Он работал охранником в чопе в Москве, пока не устроился в Егорьевске в шиномонтаж к знакомому Косте. Своей машины у Валеры никогда не было, но в автомобилях и всём, что с ними связано, он разбирался отменно. Денег хватало. Сколько нужно одинокому человеку для полного счастья? Квартира у него была, на еду хватало. У него даже оставались деньги, которые он не знал, на что потратить. Он даже выбил для себя у Кости график – четыре дня в неделю вместо обычных пяти. Он не стремился к стяжательству. Зачем ему много денег? Полтинник. Когда-то этот рубеж ему казался чем-то очень страшным – не рубеж, а рубец. Так нет, всё нормально, прошло, прокатило, жизнь продолжается. Когда он ещё пытался наладить личную жизнь, деньги зачастую улетали на всякую ерунду: на цветы, кафе, вино и конфеты. Полтора года назад он решил взять паузу в женском вопросе. Устал как-то от неудач в этой щекотливой и нервоёмкой сфере. Сначала тяжело было, конечно, а потом всё улеглось, успокоилось; стало даже как-то легче на душе. Вся его жизнь теперь стекалась к домашним делам, работе и отдыху. Отдыхом для него обычно были одиночные прогулки по городу и родному посёлку, чтение и просмотр фильмов на большом плазменном экране телевизора, скачанных в Сети. Эта жизнь была похожа на рай, каким он его представлял в детстве после рассказов бабушки про бога, рай и ад. Это что-то вроде спокойного состояния без страстей, печали и горя. Потом, в подростковом возрасте, он присовокупил к этому представлению отсутствие секса. Всё было хорошо. А когда всё хорошо, становится порой скучно. На фиг нужен такой рай? Хоть бы произошло что-нибудь. И произошло. Валера трудился на работе, менял шины маленькой дамочке блондинке, одетой, как мужчина. Ей было на вид за сорок, белые волосы и миниатюрные черты лица. Она была ещё симпатична. Валера сразу отметил отсутствие кольца

на безымянном пальце правой руки. Ему почему-то показалось, что эта клиентка находится в активном поиске. Такие редко встречаются в Егорьевске и его окрестностях, скорее всего, она была дачница. Какая-нибудь бухгалтер, секретарша или администратор в какой-нибудь стоматологической клинике. Мент – это не только профессия, но ещё образ жизни и мысли. Валера продолжал думать, как полицейский. Дамочка нервно ёрзала, рассматривая, как работает Валера и мотала головой по сторонам. Заговорить с ней о какой-нибудь чепухе? Может быть, настало время прервать пост воздержания? Валера аккуратно улыбнулся женщине. Та как-то растерянно посмотрела на него и тоже улыбнулась, но совсем немного и очень быстро. Точно какая-нибудь столичная штучка, дачница, которая воспринимает всех местных аборигенов, как Колумб дикарей в набедренных повязках с болтающимися непринуждённо ниже пояса детородными органами в открытой им Америке. С такой лучше не связываться – себе дороже. Валера посерьёзнел и сосредоточился на работе. Блондинка расплатилась и упорхнула на своей не самой крутой покоцанной иномарке. Валера вышел из помещения шиномонтажа, сел на ящик и закурил. Мимо проходил его старый знакомый Фикус. Почему его так прозвали, трудно сказать. Он не был колючим и не ерепенился, не отличался трудным характером; наоборот старался со всеми держаться доброжелательно. Понятно, что всё это было лицемерием. Преступники - хорошие артисты и психологи. Не все конечно, а те, у кого что-то есть в мозгах. Фикус сделал три ходки: две за кражи и одну за угон автомобиля. Он жил в одном посёлке с Валерой. Как участковый милиционер, а потом полицейский Валера знал наизусть все погремухи, прозвища, имена и фамилии таких «замечательных представителей» своей малой родины. У Фикуса было кругловатое лицо и нервная походка. Он был старше Валеры на четыре года. Один коллега Валерия из Егорьевска как-то по пьянке проговорился о том, что Фикус является негласным агентом милиции уже много лет, ещё с первой своей ходки. Валера думал, что Фикус тупо поздоровается с ним кивком головы и пойдёт дальше своим путём, но нет, тот шёл именно к нему. В мозгу сразу кольнула неприятная мысль: «Что-то случилось». Фикус нервно, по-воровски, оглянулся по сторонам, подошёл к Валере, протянул руку для пожатия. Валера пожал её.

- Здорово, Валера. Ты как?

- Я ничего, а ты какой-то нервный, дёрганный. Видно, принёс дурную весть. Выкладывай.

- Ты мысли будто читаешь. Тебе надо было не у нас в посёлке участковым работать, а в МУРе начальником, тогда бы и преступности в стране не стало.

- Ладно. Давай без лирических вступлений.

- Валер, дело такое, щепетильное. Я волнуюсь…

- А ты не волнуйся. Кого-то хотят убить? Тебя?

- Тебя.

- Что?!

- Пинцет через неделю откидывается. Он на зоне сказал, что, как только выйдет, посчитается с тобой по полной программе.

- По полной программе – это понятие обтекаемое, неопределённое.

- Он чётко сказал, что приговорил тебя к смерти.

- Откуда у тебя эта информация?

- Недавно откинулся Пацифист. Я с ним вчера играл в карты в одной компании. Пили пиво, водку: Пацифист и развязал язык свой длинный.

- Значит, это ты по собственной инициативе решил меня найти и сказать это?

- Типа да.

- Или это тебя Илья Аркадьич прислал?

Фикус на это ничего не ответил, сделал вид, что этого вопроса не было.

Валера предполагал, что Фикус был одним из агентов полковника Ильи Аркадьевича Лукина, старого прожжённого опера – грозы всех местных мелких бандитов и ворюг. Погова-

ривали, что Лукин водит дружбу с крупными фигурами местного криминального мира, пьёт с ними виски в ресторанах и мутит разные тёмные делишки. Валера этому не был свидетелем, но отметил, что машина Лукина немецкого производства явно не соответствовала его официальному заработку. Лукин пару раз заезжал в шиномонтаж к Валере. У них были ровные отношения: поздоровались, пару тупых вопросов, пару тупых ответов, разошлись, разбежались. Илья мог бы сам сообщить ему эту недобрую весть. Впрочем, зачем ему это? У него хватает подчинённых и агентов, которых он мог прислать к нему. Вполне возможно, что Фикусу приказали сообщить приговор. Впрочем, это было уже не так важно. Валера вернулся из своих размышлений. Фикус всё мялся перед ним.

- Он же должен ещё отбывать срок, кажется? – вспомнил Валера.

- Так его это, досрочно освобождают.

- Странно, я думал, что таких досрочно не отпускают.

- Ты, Валер, это, умный мужик. Я думаю, выкрутишься как-нибудь, решишь эту проблемку, у тебя же остались кореша в ментовке…

- Да, всё нормально, иди, спасибо за информацию.

- Не за что. Ты это, сигареткой не угостишь землячка?

- Бери.

Валера достал из нагрудного кармана спецовки пачку сигарет.

- Можно я две зацеплю?

- Бери три.

- Спасибо, Валера, ты настоящий человек, всегда тебя уважал…

Фикус вытащил из пачки четыре сигареты, быстро запихнул их во внутренний карман мятой жёлтой курточки и быстро смылся.

Валерий вернулся в события десятилетней давности. Они всплыли в его памяти с такой ясностью, будто это всё произошло вчера. Было также начало осени. День был промозглый, с мелким дождём. Валера сидел в своём участке. По радио играло что-то русское народное. Валерий читал газету и курил. Зазвонил телефон. Звонили старшие товарищи из Егорьевска. Два дня назад в посёлке было совершено убийство мелкого коммерсанта Гриши Евсеева. К нему грабители или грабитель забрались в квартиру и, столкнувшись с ним, убили его. Обнаружился главный подозреваемый - Мишка Лобанков по кличке Пинцет. Один местный осведомитель увидел его в посёлке и позвонил в милицию. Машина с бригадой для его задержания выехала из города. На месте находился только Валера. Ему приказали только выследить его и не рисковать жизнью и здоровьем – Пинцет был опасным преступником, сидел за грабёж и тяжкие телесные. Предположительно, Пинцет двигался в сторону железнодорожной станции. Валера вылетел из участка, даже не закрыв его. Он был в форме. Фуражка осталась в участке. На бегу Валера вытащил из кобуры пистолет. Он быстро выбежал на дорогу, ведущую к железнодорожной станции. Пара минут и впереди замаячила кургузая квадратная спина Пинцета. Пинцет словно спинным мозгом почувствовал неладное – обернулся, увидел Валеру, и кинулся бежать. Валера бегал быстрее, хоть и был заядлым курильщиком. Пинцет достал из кармана выкидуху, развернулся и встал в агрессивную стойку. На его посеревшем в тюремных стенах квадратном лице горели дьявольским огнём каре-чёрные глаза, которых Валера боялся ещё в школе.

- Ты чего, Валера?! Тебе жить надоело?! – скрипучим голосом пригрозил Пинцет.

- Бросай нож, дурак!

- Или чо? Стрелять будешь?

Раздался короткий злой смех.

- Мишка, тебя всё равно поймают, пошли в участок.

- Медальку захотел получить или грамотку?

- Нет. Это моя работа.

- Гнилая работа у тебя, Валера.

- Какая есть.

- Ты забыл про школу.

- Не забыл. Брось нож, дурак!

Пинцет сделал широкий замах ножом и попытался нанести им удар участковому по шее, но тот ловко увернулся и успел ногой двинуть уголовнику в нижнюю часть живота. Преступник согнулся пополам, а Валера схватил его правую руку, выбил из неё нож и сделал болевой приём. Пинцет опустился на колени. Он скулил от боли и злости.

- Я тебе этого никогда не прощу. Мы же в одном классе учились, - напомнил он.

- Теперь мы по разные стороны баррикад.

- Какие на хрен баррикады, Валера? Это была случайность, я не хотел его убивать.

- Следствие разберётся.

- Ты смеёшься? Не знаешь, какие у нас следствие и суд?

Скоро приехала группа для задержания Лобанкова-Пинцета. Валере за это геройское задержание дали небольшую премию.

Барыга Евсеев, которого убил Пинцет был личностью крайне неприятной. Про него ходило много разных слухов: якобы он торгует травой и другими запрещёнными препаратами в своих ларьках, а также судачили о том, что он устроил притон в одной из своих квартир. Евсеев был здоровым мужиком. Пинцет не ожидал его застать во время проникновения в квартиру. Естественно, увидев незваного гостя, хозяин набросился на него. Пинцет защищался ножом и так убил человека, сам не желая того. Он был виноват в любом случае: какого хрена он залез в чужую квартиру? Валера давно заметил такое свойство у преступников: всегда винить в своих бедах кого угодно только не себя любимого. Это видимо было одно из свойств любой натуры социопатического склада. Пинцет теперь будет обвинять в своей неудаче всех подряд: Евсеева, судьбу, ментов и, в первую очередь, Валеру.

Они сидели за одной партой в пятом классе. Валере Миша казался нормальным таким парнем, серьёзным и думающим. Лобанков в детстве был молчаливым и спокойным. Валере почему-то представлялось, что за этим спокойствием скрывалась глубокая философская натура. Они не были друзьями. У Пинцета в детстве было два-три приятеля, которых и приятелями было сложно назвать. Валера пересекался с Михаилом во дворе. Однажды он увидел, как тот пытал пойманного голубя. Лобанков любил оперировать и мучить птиц и других беззащитных тварей. За это он и получил прозвище Пинцет.

- Зачем ты это делаешь? – спросил тогда изумлённый Валера.

- Это же интересно, - ответил, улыбаясь довольно, Миша.

- Не понимаю.

- А как же хирурги? Они должны тренироваться на ком-то, прежде чем их допустят резать живых людей.

Тогда Валера подумал, что Михаил таким образом готовится стать хирургом. Врачи обычно люди циничные и хладнокровные, не боятся ни крови, ни боли тех, кого они лечат. Однако оптимизм Валеры относительно своего одноклассника не оправдал себя. В ПТУ Пинцет связался с дурной компанией и быстро нашёл своё место в жизни. Его не интересовала ни хирургия, ни другая какая бы то ни было честная работа. Он не хотел работать, желая только получать удовольствия и причинять неудовольствия и страдания другим.

По своей службе до того рокового задержания Валера не сталкивался с Пинцетом. Как-то проносило. Преступники часто бывают мстительны и злопамятны. Валере не раз уже угрожали, но всё это было эмоциональной вспышкой. Потом человек выходил на свободу и уже старался больше не попадать на нары. И это были люди более низшего порядка в иерархии преступного мира, ни чета Пинцету. Пинцет был закалённый, даже идейный в какой-то степени преступник.

Криминал был его родной стихией. Если бы он не был патологически глуп, он мог бы достичь больших высот в преступном мире.

Валера всё вспомнил, проанализировал несколько раз в уме характеристику Пинцета. Он мог. Ему было плевать на то, что его снова посадят. Чего ему терять? Тюрьма для него дом родной. На воле он и так долго не продержится. Надо было что-то делать. Обратиться к бывшим коллегам, чтобы подкараулить Пинцета в засаде? Это дело затратное, хлопотное, и потом у Валеры не осталось хороших верных друзей в структурах, которым он отдал лучшие годы своей жизни. Можно было просто свалить в другое место. Страна у нас большая. Пинцет, хоть и кретин, мог бы отправиться на его поиски. Пусть он и не найдёт Валеру, но тому придётся прятаться и бояться долгое время, как загнанному зверю. Это не нравилось Валере. Вот ещё. Терпеть неудобства на склоне дней. Можно было самому встретиться и поговорить с Пинцетом. Он ненавидит ментов, и может слицемерить, сделать вид, что всё в порядке, а через неделю напасть из-за угла и нанести удар ножом сзади под лопатку. Складывалось ощущение безвыходности. Валера взял отгул у Кости и три дня сидел дома, обдумывая сложившуюся ситуацию. Несмотря на всю ужасность старения и утрату лучших лет жизни, он не готов был к смерти. Валера был из тех, кто любит жизнь, кто имеет позитивный взгляд на неё, какой бы страшной та ни была. У него мелькнула в голове мысль пойти развеяться в кабак, погулять как следует, и, может быть, даже познакомиться с кем-нибудь. Он так и сделал. Ни с кем не познакомился, но выпил пивка, послушал музыку, посмотрел на радующихся жизни танцующих людей. И почему он так перепугался? Он, который всегда презирал это мерзкое чувство страха. Без него, конечно, никуда; потому как страх помогает избежать смертельной опасности и правильно реагировать на угрозы. На душе его было легко. Он поздно вернулся домой и лёг в кровать, когда запищал мобильник. Пришло смс. Его уведомили о том, что он выиграл билет на круизный лайнер, отправляющийся в кругосветное путешествие. Что значит выиграл? Он первым делом подумал, конечно же, что это какая-то очередная разводка каких-нибудь мошенников. Не бывает бесплатного сыра в природе. Только вечером следующего дня Валера вспомнил о смс. А вдруг это всё взаправду? Он позвонил по номеру, указанному в конце сообщения. Девушка объяснила ему, что путёвка действительно бесплатная. Лайнер отправляется через два дня из Санкт-Петербурга, с собой нужно взять паспорт и деньги, фирма обещала только бесплатные завтраки, расценки на блюда можно было посмотреть на сайте фирмы. Валера быстро открыл ноутбук и нашёл в Сети сайт фирмы. Всё было вроде по-честному. Цены были невысокие на еду. Спиртные напитки были также по приемлемой цене. Но какой смысл было давать путёвки на круиз бесплатно? Валера это не мог понять. На сайте сообщалось о том, что этот круиз будет проходить при поддержке каких-то компаний, поэтому часть пассажиров отправиться в плавание бесплатно в целях рекламной акции этого маршрута и организовавшей его туристической фирмы. Такие объяснения вполне удовлетворили Валерия. А что, если это шанс спасения? Пока он будет плавать, Пинцета посадят за очередное преступление. Валера собрал вещи, деньги и поспешил в северную столицу. Его приняли на лайнер. Всё шло гладко. Повезло так повезло. Он никогда не был заграницей, а тут такая возможность совершить кругосветное путешествие. Будет о чём вспомнить. Валера выбросил окурок в океан.

- У вас зажигалочки не найдётся?

Валера развернулся. Перед ним стояла девушка на вид лет тридцати в коричневом платье. У неё были несколько суровые черты лица, но, несмотря на это она выглядела очень миловидно, почти даже красиво. Волосы у неё были пшеничного цвета, короткие, глаза - зелёные. Валера зажёг свою зажигалку. Женщина прикурила.

- Благодарю, - сказала она.

"Говорит, как будто отсидела в тюрьме. Почему вся страна взяла за манеру у уголовников не говорить нормальное слово спасибо?" - подумал Валера.

- Не за что.

- А вы похожи на какого-то писателя.

Женщина явно была настроена на общение.

- Я? На Льва Толстого?

- Нет же, конечно, нет. На современного.

- Если бы.

- У вас умное лицо.

- Я бывший мент.

- В вас чувствуется какая-то сила. Среди ментов много писателей.

- Я, увы, ничего не написал, пока.

- У вас всё впереди.

- Возможно.

- Я учитель русского языка и литературы.

- Поэтому вам везде мерещатся писатели и поэты.

Она улыбнулась.

- Меня Настя зовут.

- Валера.

- У вас в глазах есть какая-то духовность. Я это давно уже заметила, с самого начала пути. А кругом люди какие-то озабоченные и суетные, или вовсе с пустотой в глазах.

- Вы мне льстите. Вы такая молодая и красивая.

- Не принимайте мою лесть слишком серьёзно, я изголодалась просто по нормальному человеческому общению здесь, а в вас я не вижу опасности.

- Хотите, выпьем вина вместе в баре?

- Пожалуй, я приду через час.

- Замётано.

Настя ушла. Валера посмотрел печально ей вслед. Возможно, он ещё не так плохо выглядит, как ему кажется. Он подошёл к лестнице, ведущей вниз к каютам пассажиров, и заметил около иллюминатора на стенке облупившуюся белую краску. А корабль, оказывается, не такой новый. Сколько же ему лет? В Валере вновь проснулся милиционер. Ему не хотелось идти к себе в каюту, и он направился в бар.

Лев сидел в самом дальнем углу бара, на своём излюбленном месте. В руке его желтел бокал пива. Они познакомились с самого начала плавания. Лев ходил по палубе, заложив руки за спину и высоко задрав голову. Валере показалось, что он смотрит на людей сверху вниз. Этот важный пассажир сразу не пришёлся ему по душе, но, как часто бывает по иронии судьбы, именно с ним он только и познакомился за всё время плавания. Лев сам подошёл к нему, когда Валера курил, отстранённо разглядывая волны за бортом и чаек.

- Извините за беспокойство, - обратился к Валере Лев.

- Да.

- Мне показалось, что вы человек, имеющий отношение к службе.

- К службе?

- Вы военный или, может быть, сотрудник спецслужб?

- Я был милиционером.

- Немного не угадал.

- Валера.

Он протянул руку, которую Лев быстро крепко пожал.

- Лев – полковник в отставке.

- Какие войска?

- Танковые.

- Ого.

- А вы, в каком звании окончили службу?

- Капитаном.

- Ничего, нормальное звание. Почему дальше не стали расти?

- Зачем?

Лев был велик размером и полноват. Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы в нём не было отталкивающих суровости и жёсткости. Серые глаза не выражали ничего. В общении же с Валерием Лев вёл себя вполне доброжелательно, из чего бывший участковый сделал вывод, что лицо полковника было маской. Льву было пятьдесят два года.

- А, капитан? – заметил Валеру Лев. – Сегодня ты рано. Что случилось? Замучила скука?

Валера сел напротив Льва.

- Вроде того.

- По пивку?

- Пожалуй.

За барной стойкой сидел худощавый мужчина с осунувшимся лицом. Позади играли в русский бильярд двое мужчин среднего возраста, а справа от них за столиком сидел один совсем раскисший мужчина на вид немного моложе Валеры. Валера подумал, что ему достаточно было рюмки, чтобы оказаться не за столиком, а под ним.

- Слышал про Йеллоустон? – спросил Лев, пока Валерий заказал у официанта кружку пива.

- Мельком.

Геополитика была любимой темой Льва. Ещё он любил разные телепередачи про масонов и разное чудо-оружие. Он верил, что Россия в недалёком будущем поставит раком всех своих врагов, а потом и весь мир на колени. Полковник перечислял всё время имена и фамилии каких-то экспертов и знатоков, которых он слушал и смотрел по телевизору. Они были незнакомы Валерию. Ему не было это интересно, но с кем-то надо было общаться.

Лев, как правило, выпивал за вечер три-четыре кружки пива; но три дня назад с Валерой выпил по-серьёзному – они уговорили ноль семь беленькой. Тогда Лев признался, что работает простым охранником в чопе.

- А я с девушкой познакомился, - сказал Валера.

- С девушкой?

- Да. Она сама подошла ко мне, когда я курил.

- Я тут мало женщин видел.

- Да. Кроме неё, пожалуй, и не припомню пассажирок.

- Симпатичная?

- Да, хорошенькая.

- Ты парень свободный – тебе можно знакомиться.

- А ты молодец – жене не изменяешь. Столько лет вместе.

- Ерунда всё это.

- Как ерунда?

- А так – глупости.

- Это почему же?

- Бабы – они же все глупые. С ними и поговорить не о чем. Недавно правда с супругой начал смотреть Малахова, и знаешь, втянулся. Иногда у него бывают очень интересные передачи.

- Да это несовместимость мужчин и женщин – вечная проблема. Мы считаем их дурами, а они нас дураками.

- А знаешь, Валер. Я иногда думал, что не прочь был завести любовницу. Чего-то мне не хватало с женой? Думал, думал, да так и не дошло до этого; если не считать одного глупого случая. Не умею я с женщинами знакомиться и сходиться.

- Для этого большого ума не надо.

Спустя примерно двадцать минут в бар вошла Настя. Валера заметил её, а она его нет. Когда она проходила мимо барной стойки, сидевший за ней мужчина остановил её какой-то фразой. Они заговорили. Валера расслышал только несколько Настиных слов: «Ах, вы артист? Я точно вас видела…»

Облом. Валера был рассержен. Внутри у него всё кипело.

- Это она? – спросил Лев.

- Она самая.

- Не огорчайся. Птица невысокого полёта.

- Пойду на воздух, покурю.

На палубе было безлюдно. Вверху о чём-то кричали ведьмы-чайки, будто предвещая что-то значительное и таинственное. Валера прошёл к краю борта, достал из кармана брюк пачку сигарет, вытащил сигарету, закурил.

Это полное фиаско. Всё сходилось к тому, что вся его жизнь была прожита напрасно. Ему нет смысла возвращаться домой, и здесь на корабле у него одни неудачи и скукота смертная. Хоть бы этот корабль пошёл ко дну.

Заверещала сирена. Валера огляделся по сторонам. Что это?

Из динамиков раздавалось:

- Внимание, дорогие пассажиры, просьба соблюдать спокойствие и не паниковать. Наше судно получило пробоину неизвестного происхождения и идёт ко дну. Выполняйте распоряжения членов команды судна, не создавайте суеты и паники.

Откуда-то раздался женский крик. Только теперь Валера почувствовал, что палуба чуть накренилась. Твою мать! Они, в самом деле, тонут! Что это? Он экстрасенс или волшебник? Как так могут сбываться мысли? И почему сбываются обычно самые дурные мысли?

К Валере подбежал матрос с оранжевым спасательным жилетом.

- Одевайте немедленно.

- Вода в океане холодная? – спросил Валера.

- Вы хотите спастись, так прыгайте за борт и не задавайте глупых вопросов. Идите на ту сторону корабля.

Валера прошёл с матросом на другую сторону судна.

- Вон там земля, видите? – матрос указал рукой в сторону горизонта.

Вдали виднелась серая полоска земли.

- Километра три? – спросил Валера.

- Два.

Слева кто-то уже плюхнулся в воду.

Валера уже нацепил на себя жилет.

- Я хотел увидеть девушку и мужчину, своего приятеля. Вдруг, они не успеют спастись, - сказал Валера.

- Не переживайте, ими занимаются другие члены команды корабля.

Пассажиры с криками и визгами прыгали за борт. Прыгнул и Валера. Вода была не очень холодной. Он поплыл в сторону земли. Начинался закат, и нужно было успеть доплыть до берега, пока он был ещё виден. Впереди на волнах болталась голова неизвестного мужчины. Насти нигде не было видно. Быстро темнело. Сзади послышалась отборная матерная ругань.

До берега оставалось метров двести, когда Валера почувствовал дикую усталость в руках и ногах. Они стали словно ватными. Сознание помутилось. Небо быстро чернело и очертания земли стали растворяться в ночном мраке.

Глава 2

Валера открыл глаза и едва не ослеп от яркого света. Солнце поднялось уже высоко. Он лежал в спасательном жилете на песке в двух шагах от воды. Солёный воздух щекотал ноздри. Валера приподнял корпус. Слева, в двадцати шагах от него, ходили люди. Океан был спокоен. Как же всё быстро и неожиданно произошло. Он даже не помнил, как достиг берега. Возможно, кто-то помог ему.

- Валера! Валера!

К нему подбежал Лев. Он тоже спасся.

- Живой. Слава богу.

По виду Валеры можно было подумать, что он не очень был рад спасению Льва.

- Живой. Где мы? – пробурчал, вставая, Валера.

- Не знаю, в Чили или Перу.

Валера и Лев пошли к месту, где собрались остальные спасшиеся люди. Их было девять человек – немного. Куда же делись остальные? Среди этих мокрых людей Валера заметил Настю. Около неё кружился тот самый мужик, с которым она говорила у барной стойки. Валера сразу отметил, что Настя его как будто старается не замечать. Ох, уж эти непостоянные женские сердца! Она заметила его.

- Валерий! Вы живы!

Она подскочила к нему и даже приобняла. Что это было?

- Я так рада этому.

- И я рад, что с вами всё в порядке.

- Я думала, что больше никогда уже вас не увижу.

- Да? И что? Не велика трагедия.

- Странный у вас юмор.

- Простите.

Отдельно от всех, в стороне, в метрах тридцати, расхаживал человек маленького роста, невзрачной внешности, в длинных, не по его размеру голубых шортах. Валера подумал, что это умный видимо человек, и у него есть какой-то план действий.

- Что же нам делать? – спросила Настя.

- Будем искать людей, - сказал Валера. – Идём.

- Куда? – спросил Лев.

- Да хотя бы туда.

И они пошли в сторону, где бродил маленький человек. За Валерой пошли все и маленький человек.

Берег упирался в лес с диковинными деревьями, которых Валера никогда не видел. За ними виднелся холм.

Так они шли где-то минут сорок пять и дошли до узкого залива шириной примерно в десять метров, обошли его и вернулись на то место, от которого начали путь.

- Это остров, мать его, - заключил Валера.

- Может быть, посреди него есть какое-нибудь поселение? – предположил Лев.

- Вряд ли, - сказал Валера.

- Это почему?

- Ты не заметил, что тут ни одной лодки, ни одного мостика, ничего похожего на пристань или причал? То-то. И потом, Южная Америка была по сторону правого борта, а мы прыгали с левого. Логично?

- Точно, - согласился Лев.

- Надо исследовать остров, - сказал Валера и сел на большой серый камень. - Вы заметили, что среди нас нет ни одного члена экипажа корабля?

Все переглянулись. Кто-то закивал.

- Это очень странно и подозрительно.

- Может быть, они спаслись на лодке или уплыли куда-то в другую сторону, - предположила Настя.

- А я думаю, что они все погибли, спасая пассажиров, - сказал мужчина, с которым Настя разговаривала у барной стойки.

- Они же опытные моряки, - продолжал размышлять вслух Валера.

- А, что, если тут где-то есть ещё остров и они поплыли к нему? - выдал новую версию Лев.

- Этот остров был бы виден с этого, - заметил Валера.

- Их могло подобрать другое судно, - предположил молодой человек с волнистыми русыми непослушными волосами.

- Это уже больше похоже на реальность, - согласился Валера. – Но тогда возникает закономерный вопрос, почему это судно не подобрало нас?

- Это могли быть наркоторговцы или какие-то другие бандиты, поэтому наши моряки решили ничего не говорить о нас, - предположила Настя.

- Красивая версия для авантюрного романа. В неё трудно поверить, но в жизни часто случаются совсем невероятные события, - сказал Валера. – Что ж, нам ничего не остаётся, как идти исследовать остров.

- А я предлагаю для начала нам познакомиться друг с другом, - подал голос артист.

- Разумная идея, - согласился Валера. – С вас и начнём.

- Я Василий Покровский - актёр.

Один из молодых людей сказал второму:

- Я же говорил тебе, что где-то его видел.

Вперёд вышел несколько обрюзгший, темноволосый, с расплывчатыми чертами лица человек, которому на вид было близко к пятидесяти годам.

- Платон Зайцев – врач.

- Настя Соловьёва – учитель.

Настя чуть согнула колени, будто хотела сделать книксен.

- Я Лев Забоев – полковник в отставке, пенсионер.

Сутулый, худой мужчина с измождённым лицом, которого Валера видел в стельку пьяным в баре представился:

- Пётр Ларионов – тракторист.

- Глеб Коркин – предприниматель, - представился полноватый мужчина маленького роста в очках, выглядевший старше своих тридцати пяти лет.

- Антон Бондаренко – таксист.

Таксист стоял чуть поодаль остальных. Он был красив и крепок, как это часто бывает с людьми, неизбалованными излишними умственными способностями. Антону было тридцать лет. Это он сказал про артиста другому молодому человеку, который представился:

- Иван Добролюбов – машинист электропоезда.

Это его была версия о том, что членов затонувшего судна подобрал какой-то неведомый корабль. Иван имел приятные черты лица и волнистые непослушные русые волосы. Он был ровесником Бондаренко.

- Белкин Игорь, - представился весь высохший, маленького роста мужчина сорока пяти лет.

У него были грубые черты лица и наколки на руках и ногах.

- Родион Ковров – директор, - представился странный мужчина маленького роста, который изначально держался в стороне от всех остальных. На вид ему было около тридцати пяти лет.

- Директор чего? – спросил Валера.

- Это военная тайна, - ответил Ковров.

- Может быть, ты что-то знаешь про то, куда мы попали, и куда делась вся команда корабля? – спросил Валера.

- К сожалению, нет.

- Я тебе не верю.

- Это твои проблемы.

Лев встрял в их перепалку:

- Он, наверно, из компетентных органов и не может распространяться о своей работе.

- Хорошо, что здесь есть хоть один понимающий человек, - похвалил Льва Родион. – Я работаю в военной сфере, на производстве секретной техники.

- Ладно, хрен с тобой, - сказал Валера. – Меня зовут Валерий, фамилия моя Рябов. Я работаю в шиномонтаже, а до этого служил участковым милиционером.

- Ментяра, значит.

Белкин зло плюнул себе под ноги.

- Что будем дальше делать? – спросил Лев.

- Надо исследовать остров, - сказал Валера. – Пойдём, осмотрим его.

Валера пошёл в сторону.

- Это нецелесообразно. Кто-то должен остаться тут, - подал голос Ковров.

- Зачем? – спросил Валера.

- Мало ли что.

- Да, это правильно. Если кто-то приплывёт нас спасать, пусть те, кто останется на берегу, подадут им сигнал.

За Валерой пошли Платон, Лев, Пётр и Василий, остальные остались с Ковровым.

В лесу Валера увидел банановые деревья.

- А вот и еда.

- Надолго ли её хватит?

Платон Зайцев был настроен не очень оптимистично.

Они вышли к поляне, посреди которой была воткнута серая плита из непонятного материала. Валера потрогал её.

- Из чего это?

- Похоже на коралл, - сказал Платон.

- Такие ровные формы, словно это сделано руками человека, - заметил Валера.

- Слышите, что-то журчит? – Платон посмотрел направо.

- Это источник, родник. Считайте, что питьевой воды мы обеспечены, - сказал Валера.

Он вспомнил, что видел что-то подобное в фильме «Космическая одиссея 2001» Стэнли Кубрика. В этой картине с подобными плитами были связаны разные трансформации персонажей, будто они излучали некую силу, как-то воздействовали на живых существ.

Дальше они обнаружили ещё несколько подобных плит.

- Видимо – это, в самом деле, кораллы, - решил Валера. – Надо набрать бананов. Есть хочется.

Валере пришлось забраться на дерево, чтобы сорвать бананы.

После сбора плодов все расположились на земле. Валера разлёгся в тени под деревом. От непривычки немного ломило суставы.

Пётр жевал банан, сидя у кустарника с пышными жёлтыми цветками, и замер в один миг.

- Аквалангист, - произнёс он.

- Ты о чём? – лениво поинтересовался Валера.

- Я вспомнил аквалангиста. Он тащил меня к берегу, а потом исчез.

- А я помню тебя вчера в стельку пьяным. Как ты вообще добрался до берега непонятно.

Все, кроме Петра и Валеры, дружно засмеялись.

На берегу мужики о чём-то живо галдели. Директор с умным видом разводил и махал руками.

- А, наконец-то вернулись. Догадались нарвать бананов. И на том спасибо. Вас только за смертью посылать. Давайте-ка, начинайте строить шатёр для ночлега, - тут же отдал он распоряжение.

Он сразу не понравился Валере. Какой-то внутренний инстинкт подавал сигнал опасности при одном только виде этого человека. Руководитель от «руками водить». Откуда берутся такие типы? И почему его все слушают, разинув рты?

- Надо бы костёр развести, чтобы нас заметили с проплывающего мимо корабля, - сказал Валера.

- Костром займёмся мы, а вы сооружайте шалаш.

Этот чудак возомнил о себе непонятно что.

Тракторист, врач, полковник и бизнесмен покорно отправились выполнять команду Директора. Валера подумал и поплёлся к ним.

За пару часов подобие шалаша было готово.

- Есть хочется и пить тоже, - пожаловался тракторист.

- Да, одними бананами сыт не будешь, - заметил врач.

Они пошли к Директору и его помощникам, у которых никак не получалось развести костёр. Белкин и Антон пытались высечь искры из камней.

- Ничего у вас не получится, - сказал Валера.

- Не каркай, ментяра, - зло огрызнулся Белкин.

Валера вспомнил о Пинцете. Может, придушить этого урода ночью? Он был в этот момент доволен собой, хорошо, что он успел достаточно отправить за решётку таких недочеловеков.

- Я не каркаю, урка, а дело говорю.

Белкин резво вскочил и замахнулся камнем в Валеру.

Директор попытался его успокоить.

- Ну, ну, Игорь, не кипишуй. Мы тут общее дело делаем.

Откуда-то выскочила Настя и стала между Валерой и Белкиным, предотвратив мордобой.

- Не надо, Игорь.

Костёр так и не получился.

На остров упала темнющая тропическая ночь. Все улеглись в шатре, прижимаясь друг к другу. Валера лёг с краю. Настя расположилась между Иваном и Антоном. Молодость выбрала молодость.

- А тут прохладненько, - заметил тракторист.

- Хорошо ещё, что тут не обитают хищные звери, - заметил бизнесмен.

- Когда же нас найдут? – жалобно протянула Настя.

- Завтра или послезавтра, - сказал уверенно Антон.

- Наши морды, наверняка, уже вовсю крутят в новостях, - сказал Иван. - Домой вернёмся звёздами.

- Эх, сейчас бы пивка да холодненького, - проскулил артист.

- А я бы от медицинского спирта не отказался, - добавил врач.

Валера вспомнил про аквалангиста. Что-то было в этом не так. Или же это был всего лишь пьяный бред тракториста? Чего только не привидится пьяному.

Глава 3

Валера держал очки Коркина над мелкими сухими веточками. Коркин и Зайцев, сидели на корточках рядом. Веточки задымились, показалась красная точка, а потом вспыхнул огонь. Валера быстро накидал ещё мелких веток, на которые положил уже ветки потолще.

- Ура! Получилось! Мы сделали это!

Зайцев радостно запрыгал.

Валера сел на песок. У него был недовольный вид.

- Костёр продержится только до следующего утра или вечера. У нас нет даже топора - нарубить дров.

- Ножа-то нет, какой топор, - продолжил мысли Валеры Коркин.

Подошёл вальяжный Добролюбов.

- Чего вы ссыте? Не завтра так послезавтра нас найдут.

- Это логично. В Тихом океане насколько я помню из географии не так много островов. Но странно, почему нас не нашли до сих пор?

К костру подошли Ковров, Настя, Добролюбов и Бондаренко.

- Костёр есть, а зажарить на нём нечего, - сожалел Ковров.

- Надо рыбы наловить, - предложил Добролюбов.

- Или зверя поймать какого-нибудь, - добавил Бондаренко.

- Как? Чем? - скептически отнёсся к идеям молодых людей Валера.

- Сделаем палки с острыми концами, я видел, так делают дикари, - предложил Добролюбов.

- А чем их заточим? – поинтересовался Бондаренко.

- Камнями. Вперёд в каменный век!

Добролюбов похлопал ладонью по губам и издал звук, какой обычно издавали индейцы в голливудских старых фильмах.

- Дурак, - сказал Бондаренко. – Ладно, пошли.

Они оба ушли.

- Нас же обязательно найдут, - жалобно промямлил Зайцев.

- Найдут, найдут, доктор. Вам не к лицу уныние. Ваши навыки возможно понадобятся кому-то из нас, - «поддержал» его Ковров.

К костру лениво приплёлся Лев.

- Молодцы. Развели костёр. Сразу видно офицер, - похвалил Валеру полковник.

- Надо бы ещё сходить за бананами, - заметил Ковров.

- Я вчера ходил, - сказал Валера.

У костра остались Валера, доктор Зайцев и Настя.

Валера с надеждой глядел на океан, на горизонт.

- Ни кораблика, - сказал он.

- Почему вы такой грустный, Валерий? – спросила Настя. – Мы живём в двадцать первом веке. Нас уже ищут и найдут.

- Да просто какие-то предчувствия непонятные. Всё непонятно тут. Где экипаж корабля? Неужели их, в самом деле, захватили бандиты? А, что если корабль тоже был кем-то специально потоплен?

- Тогда почему от нас не избавятся, как от ненужных свидетелей? – продолжил развивать версию Валеры Зайцев.

- Они думают, что мы утонули.

- Вас кто-нибудь ждёт дома, Валерий? – спросила Настя.

- Нет.

- Нет ни жены, ни детей?

- Сын есть. Он не общается со мной уже пять лет.

- Как печально. Не верю, что вы могли быть плохим отцом.

- Мы рано развелись, ему было только девять лет.

- Не помогали?

- Помогал да кто это ценит? Впрочем, и помощь была не велика. Какие могут быть заработки у честного милиционера?

К ним подошли Бондаренко и Добролюбов.

Добролюбов обратился к Насте:

- Смотри, какие мы сделали палки. Идём, ловить рыбу.

- Вам не жалко рыбу?

- А тебе есть разве не хочется? – спросил Бондаренко.

Настя пошла с ними. Они решили попытать счастья в заливчике. Там было не глубоко. Бондаренко и Добролюбов скинули шорты и вошли в воду. Вода была прозрачной, так что было видно дно.

- Смотри вон рыба.

Иван показал направо и пошёл туда с палкой, прицелился, воткнул палку в воду. Мимо.

- Палками мы ни хрена не наловим, давай попробуем руками, - предложил Бондаренко.

- Давай.

Они облазили весь берег. Рыба уходила легко от их рук.

- Солнце зараза печёт, как в духовке, - пожаловался Бондаренко.

Они волтузились в воде час.

- Ребята, вы устали хватит, - сказала Настя. – Чего-нибудь ещё придумаем. Не пропадём.

Иван плюхнулся в воду у берега и поймал небольшую рыбку.

- Поймал! Поймал!

Иван и Антон вылезли на берег.

- Какая красивая, похожая на аквариумную, - сказала Настя.

- В ней даже килограмма нет. Как будем её делить? – проворчал Антон.

- Отдадим Насте, - сказал Иван.

- Мне будет жалко её есть.

- Тогда мы сожрём, - предложил Антон.

- Как? При всех? У костра же люди сидят. Этот Валера, - сказал Иван. – Подумают, что мы крысы.

- Да. Ситуация, - сказал Антон. – Может выпустить её на фиг?

- Ну, уж нет, чтобы все мои труды оказались напрасны. Не хочу.

Они пришли к костру, у которого собрались все обитатели острова, кроме тракториста и артиста, ещё не вернувшихся со сбора бананов.

- Рыба должна достаться самому страждущему, - решил Ковров.

- Настя отказалась от неё, - сказал Иван.

- Пускай её съест, тот, кто поймал, так будет справедливо, - предложил врач.

У Коркина потекли слюни изо рта, глядя на бедную рыбку.

- Это логично, - сказал Ковров. – Но жестоко по отношению ко всему коллективу. У нас есть измотанные и усталые члены коллектива, которым эта рыба более необходима.

- Пусть парень сам решит, с кем он её съест, - предложил Валера.

- Я вижу, что другим эта идея не по душе. Мы будем тянуть жребий,- решил Ковров.

Жребий тянули, когда вернулись тракторист и артист с бананами. Повезло уголовнику Белкину, который с чувством превосходства и удовольствия зажарил рыбку на палочке прямо живьём на костре. Он съел половину рыбки и остальную часть отдал Ивану и Антону со словами.

- Что я сука что ли последняя?

Эти двое поделили остатки рыбки, как могли и съели её.

Вечером Антон, Иван и Настя купались в океане, дурачились. Уставшие, они выбрались на берег. Антон сразу упал животом на песок.

- А силёнки то потихоньку уходят, - заметил он.

Настя и Иван бродили вдоль воды, брызги которой омывали их ступни.

- Ты женат? – спросила Настя.

- Нет.

- И не был?

- Был.

- Разошлись?

- Да не сошлись характерами.

- Наверно, она много денег хотела, а ты простой машинист.

- Да денег я нормально зарабатывал. У неё любовник был – бандит, к нему и ушла.

- А дети?

- Дочь, я часто с ней общаюсь, им сейчас не до неё, но они её не обижают.

- Хороший ты человек, Иван, добрый, весёлый, позитивный, но чего-то в тебе не хватает. Ты же умный. Почему не пошёл учиться дальше после школы? Мог бы стать инженером или режиссёром.

- Я? Да ты что? Какой из меня инженер? Я из простой семьи. Мои родители никогда звёзд с неба не хватали, и я такой же. Хочешь, прогуляемся до леса?

- Зачем?

- А так просто.

- Не знаю, не сейчас, пошли обратно.

Настя прочитала сообщение в телефоне: «Я умру без тебя. Умоляю, вернись». Игорь совсем измучил её. Она сидела на автобусной остановке одна и плакала. Лил проливной дождь. Почему ей так не везло с мужчинами? Может быть, всё дело было в детстве? Она росла с матерью без отца, которого никогда не видела. Её мама была художником настоящим, во всех смыслах. При СССР она рисовала афиши для кинотеатра, и ещё писала картины для себя и на продажу. Продавались картины плохо, но денег в целом хватало. После развала Союза пришлось туго. Мама даже торговала и не только своими картинами, но и разным барахлом. Потом один друг устроил её преподавать в институт. Стало немного полегче. Впрочем, мама Насти никогда не жаловалась на быт и неустроенность. Она была настоящей коммунисткой: её не интересовала бытовая ерунда, деньги и прочая мещанская глупость. Она курила «Беломор», «Астру» и «Приму». В пятом классе Настя узнала от неё о своём отце. Мать сказала, что у неё было несколько мужчин, когда она с подружками отдыхала на море в Коктебеле. Тогда она была хиппи, что это такое, Настя не понимала. Мать не знала, кто из тех парней был её отцом. Но «они были все классные ребята, с чувством юмора, знали классные песни и угощали их классной травкой». Так сказала мама. Другая девочка бы расстроилась от такой информации или закомплексовала бы, но Настя была особенной. Истинная дочь своих родителей. Она читала много, больше матери. Настя очень любила стихи. У неё была очень богатая фантазия. Порой ей казалось, что мир, изображённый в книгах писателями и поэтами – это и есть настоящий мир. Отца она воображала себе красивым и добрым, но неустроенным, как все творческие люди. Возможно, он был писателем или музыкантом. После школы Настя поступила в педагогический институт. У неё был друг со школы Дима, нормальный пролетарский парень, который хотел стать водителем и стал им. Он был сильный, уверенный в себе, знал, что хотел от этой жизни. Настя очень нравилась ему. Он пошёл работать. Настя училась

в институте и иногда подрабатывала. Они сняли квартиру, в которой решили вести совместное хозяйство. Мама Насти легко отпустила от себя дочь, а мать Димы ненавидела Настю и её мать, считала их больными на всю голову. Настя много времени отдавала учёбе и чтению, на хозяйство не хватало сил. Готовила она плохо, ещё хуже убиралась. Диме это не нравилось. Он злился. Потом понял, что перевоспитать её нельзя. На почве быта они разошлись. Настя очень переживала. Она любила Диму, за ним она чувствовала себя, как за каменной стеной. Он был работящий и умел найти надёжный заработок. В детстве у неё не было ни отца, ни деда. В Диме она встретила впервые опору, защиту и поддержку. Потом у неё была череда парней и разного сорта мужчин. Особенным колоритным персонажем в этой колоде был кавказец Арчил, женатый торговец с рынка, всё время грозивший убить её, если она изменит ему. То, что он был сам женат, его не волновало. Утихомирить горячего горца помог капитан милиции Пашка Смирнов друг Насти. Павел нравился ей, а она ему не очень. Настю как будто не очень волновало наличие жены у Павла и других мужчин. Наконец в двадцать шесть лет Настя вышла замуж. Мужа звали Коля. Он приехал покорять столицу из Ростова-на-Дону. Коля был танцором, профессиональным. Своими танцами он и покорил Настю. Она наивно думала, что танцоры, как творческие люди должны быть развиты умственно и духовно; но ни умом, ни духом там и не пахло. Коля приценивался к квартире Насти и её мамы в Капотне, просил прописать его. Тёща хоть и была с причудами, но дурой она не была. «Поживите сначала, а там посмотрим», - сказала она. Коля страшно злился. Детей он не хотел. Он часто уезжал надолго с разными артистами на гастроли. Однажды он приехал, собрал чемоданы и был таков, ничего не объяснив ни Насте, ни тёще. Коля через суд потребовал развод. Скоро он женился на какой-то старухе, которая его прописала без всяких условий. По Коле Настя не горевала. Он быстро разочаровал её и был слишком эгоистичным. Она даже была рада освободиться от него. Ей было легко одной, проще. Настя уже подумала, что у неё больше никогда не будет ни мужа, ни детей. Она любила читать в парке, сидя на скамейке. Так она познакомилась с Игорем. Игорь худой, в очках, был похож на облезлую птицу. Глаза его излучали что-то болезненное и диковатое. Люди сторонились его, а он их терпеть не мог. Игорь присел на скамейку и заговорил с Настей непринуждённо, как со старой знакомой.

- Беллетристику читаете. Зря.

Настя оторвалась от чтения.

- Почему же?

- Мало достойных авторов.

Игорь переживал в том момент увлечение учением Кастанеды. Он постоянно находился в духовном поиске. Он был православным, католиком, протестантом, пятидесятником, свидетелем Иеговы, буддистом, синтоистом и конфуцианцем.

- Вы кто? – спросила тогда Настя.

- Я сам бы хотел это понять.

Это было какое-то затмение. Впервые Насте встретилась такая неординарная личность. Игорь к тому же писал стихи - концептуальные и ещё немного хокку, когда увлекался синтоизмом. Издательства не печатали его. Не доросли, так он это объяснял.

Настя переехала жить к Игорю в его захламлённую и грязную квартиру в Гольяново. Она была так очарована эрудицией и талантами Игоря, что его крысиная холостяцкая нора с пожелтевшими от никотина, бедности и старости обоями, казалась ей дворцом сказочного принца. Игорь не уставал её поражать новыми духовными открытиями и стихами. Настя навела порядок в квартире и даже научилась готовить. Было ради кого стараться. Игорь, правда, этих усилий не замечал, погружённый в своё творчество и свои искания. Так они прожили год. Жениться Игорь не хотел – так как ещё не определился с конфессией или религиозным направлением, которое ему подошло бы окончательно. К детям он также не был готов. Для него было страшным преступлением рожать в этот мир детей, не зная точного предназначения жизни и

её смысла. Смирилась Настя и с этой напастью. Доконало её другое. Когда Игорь обратился в шиваизм, в квартире милого после школы она обнаружила неизвестную женщину. Гражданский муж называл её Вероникой. Она была не очень красива, но стройна и ухожена. Игорь задумал заняться сексом втроём. На его языке это называлось важным духовным обрядом. Всё надо было делать строго по инструкции, написанной в какой-то книге. Насте было противно, но она делала всё, что предлагал Игорь. Он скоро разочаровался в этом обряде и в этой религии – на следующий же день.

За завтраком он признался:

- Не то это, не то. А не принять ли мне ислам? Правда, обрезание придётся делать. Насколько это больно? Неважно. Надо сначала изучить «Коран».

Вечером Настя не обнаружила в шкатулке, в которой складывала семейный бюджет, шесть тысяч рублей. Последние три месяца деньги зарабатывала только она. Игорь не работал. С почты, где он в последний раз трудился почтальоном, его выгнали за постоянные прогулы, кражи дорогих журналов и опоздания. Настя наехала на Игоря: "Куда делись деньги?" Тогда Игорь признался, что потратил их на Веронику, которая была проституткой. Настя была в шоке. Она поделилась этой историей с Яной учительницей математики в школе. Яна назвала Игоря козлом и посоветовала немедленно его бросить. Настя не знала, что делать. Ей было жаль Игоря, но жить она уже не могла с ним. Он был ей противен. Она разочаровалась в жизни и людях. Неужели все духовные поиски и творчество – это полная ерунда? Надувательство – ширма для развратного образа жизни и тунеядства. Для чего живут люди на Земли? Только, чтобы есть и трахаться? Игорь – это был тяжёлый удар не в челюсть, а в саму душу. Настя собрала вещи и ушла. Игорь валялся в её ногах, просил прощения, умолял не бросать его. Такой жалкий он ещё больше раздражал её.

Там на остановке она ещё могла вернуться. В голове мелькнула мысль, что может быть это её крест, расплата за свои грехи и грехи предков. Пора пойти в церковь и начать новую жизнь искупления. Это было бы очень больно. Нет. Хватит с неё. Человек имеет право быть счастливым. Она поехала к матери в Капотню.

Мать была рада дочери. Она не любила Игоря, считала его ничтожеством, как творческую единицу. Настя с мамой пила вино, когда ей пришло сообщение о том, что она выиграла бесплатный билет на круиз вокруг земного шара. Ей даже было неинтересно - это правда или какая-то подстава. Смена обстановки ей не помешала бы. К тому же она хотела уехать подальше от этого большого шумного города с дурной энергетикой, лучше на другой конец Земли. Круиз вокруг земного шара – это было бы прекрасной авантюрой в былые времена, а теперь это всего лишь развлекательная поездка. Пусть будет хоть так. Так она думала.

Эти люди на острове казались Насте очень милыми, даже те, от которых исходила агрессия и опасность. День прошёл и все начали укладываться в шатре.

Она легла в центре между Антоном и Иваном. Иван лежал боком лицом к её спине и тихонько обнял её за талию, прижал к себе.

- Ты чего? – тихо прошептала Настя.

- Это чисто, чтобы согреться, - объяснил Иван.

- Чего там? – спросил громко проснувшийся тракторист. – Приехали спасатели?

- Ага. На голубом вертолёте прилетели, - иронизировал, как умел, доктор. – Да молодёжь развратничает.

- Дайте поспать, уроды. И так холодно и жрать хочется, - проворчал Бондаренко.

С самого края лежал Лев, а за ним Валера. Лев во сне положил руку на бедро Валере. Тот убрал руку.

- С тобой всё в порядке?

Лев проснулся.

- Ты что?

- Ты руку на меня положил. У тебя всё нормально с ориентацией?

- Извини, уснул, не осознавал, что делаю.

Валеру осенила важная мысль.

- Лев.

- Чего?

- Ты же попал на судно по выигрышу билета?

- Так точно.

- И я.

- И что это значит?

- А остальные? Люди, кто попал на судно по выигрышу билета?

Оказалось, что все.

Бондаренко спросил:

- И что это может значить?

- Это не просто так. Однозначно. Матросов и простых пассажиров тут нет. Это была какая-то спецоперация. Нас не просто так заманили сюда, - сделал вывод Валера.

- А, что, если никаких простых пассажиров и не было? – предположил Иван.

- Блин, в чём смысл-то может быть такой операции? – не мог понять Бондаренко.

- Ума не приложу, - признался Валера.

- Спецоперации затевает, как правило, государство, - подал голос доктор. – Зачем ему мы?

- Как зачем? Для опытов каких-нибудь. Потом нас наградят, если мы сделаем всё как надо, - у тракториста, как оказалось, была богатая фантазия.

- Но это бесчеловечно так поступать с живыми людьми, - заскулил Коркин.

- Весь мир театр и мы в нём актёры, - непонятно к чему сказал артист.

- Если это государство, мы должны выжить, - заявил Лев.

- Это почему же? – не понял Белкин.

- Потому что государство наше – это сила.

- Сила-то это да, только смотря для каких целей оно её использует. Цель какая? – вступил в дискуссию Ковров.

- Нам это не понять. Мы маленькие люди, наша роль исполнять то, что от нас требуют, - сказал тракторист.

- Может, кто-то подаст нам подсказку? - предположил Иван.

- А, если мы умрём? – жалобно вопрошал Коркин.

- Значит так надо, - сказал тракторист.

- А, если это всё дело рук мафии, а не государства? – предположил Иван.

- Зачем мы мафии? – не понимал доктор.

- Чтобы потребовать за нас выкуп.

- Кто за нас даст выкуп? Кому мы на хрен нужны? У меня и родственников толком нет, - сказал Валера.

- У меня бизнес есть, но оборот совсем небольшой, - поведал Коркин.

- А кому нужен Петя тракторист? – усомнился в версии товарища Антон.

- Государство может за нас заплатить, - нашёл ответ Иван.

- Сдались мы ему, - сказал доктор.

- Это слишком круто для мафии: нанять судно, утопить его… А куда команда делась? Вся утонула? Надо было ещё как-то сделать, чтобы мы все спаслись, - рассуждал Валера.

- Команда и была мафия. Они не утонули, а уплыли куда-то, - у Ивана нашёлся ответ и на этот вопрос.

- Всё это, конечно, сложно, очень сложно, но в этом есть логика. Почему же мафия не даёт ничего знать о себе? А, если мы умрём? Кому мы на хрен нужны мёртвые? – не унимался в своём расследовании Валера.

- Мы же ещё живы, - сказал Иван.

- Ладно, заканчиваем базар. Завтра наговоримся. Спать! - скомандовал Ковров.

Глава 4

Наступил новый день.

Коркин, измождённый и вспотевший, лежал в теньке под большим деревом.

- Пить, есть, - скулил он.

Мимо прошёл Бондаренко, посетовав:

- Жаль, нет оружия пристрелить этого придурка.

Остальные островитяне расселись в тени деревьев прямо на траве. Ковров восседал на сизом камне в позе царя.

- Итак, два дня прошло, а мафия или государство никак не даёт о себе знать. Не кажется ли вам всё это странным? - вопрошал он. – Бананы на острове рано или поздно закончатся. Что мы будем есть?

- Я уже не могу жрать эти бананы, - пожаловался Пётр.

- Так подыхай с голоду - не велика потеря, - «пожалел» его присоединившийся к честной компании Антон.

- Тут же птицы есть. Чайки или бакланы. Надо научиться их ловить, - предложил Белкин.

- Они, сука, не вкусные, наверняка, - сказал Иван.

- Иван, не ругайся, - одёрнула его, сидевшая рядом с ним, Настя.

- Можно съесть кого-нибудь из нас на крайняк; а что, такое практикуется, когда зэки бегут с зоны через тайгу, - предложил Белкин.

- Кого ты предлагаешь съесть? – спросил на полном серьёзе Ковров.

- Самое слабое звено, которое валяется под деревом и скулит.

- Вы совсем сдурели что ли? Я не допущу этого, - возмутился Валера.

- Как мы его разделаем? У нас и ножей-то нет, - заметил Антон.

- Не надо никого есть, пожалуйста, - жалобно попросила Настя.

- Это будут крайние меры. Кто-то же должен выжить тут, - решил Ковров.

- Твою мать, если это мафия, то мы им нужны живые. Они наверняка подкинули бы нам еды, чтобы нас выкупили живыми. Где они? – вопрошал Покровский.

- Эту мафию могла перестрелять другая мафия, которой мы на фиг не нужны, - молниеносно нашёл ответ на его вопрос доктор Зайцев.

- Допустим. Тогда нас должны искать родные и близкие из России, - предположил Валерий.

- Мафия, которая всё это устроила, сделала так, что они думают, что с нами всё в порядке, что мы ещё плаваем в круизе, - сказал доктор.

- Я всё же надеюсь, что это государство. Эксперимент, - промолвил Пётр.

- Какой на хрен эксперимент? Ты о чём? У нашего государства дел больше нет. Надо углеводороды качать за бугор за баксы, и мериться причиндалами на международной арене. А тут какие-то туристы на острове. Ерунда всё это, - устыдил его Иван.

- А, если тут не мафия и не государство, что за всем этим стоит? – вопрошал Валерий.

- А что тогда? Что ещё тут может быть? – вопрошал Антон.

- А просто несчастный случай. Нелепость. Чья-то дурость. Набрали на судно «счастливчиков», – доктор изобразил пальцами в воздухе кавычки. – Посадили на судно и отправили вокруг земного шара. Для чего? Какая-то тупая идея, блажь какого-нибудь олигарха или кто он там владелец этого судна. Хотел приятное сделать людям, искупить свои старые грешки, замолить их. Чудачество такое.

- И эта версия имеет право на существование, - сказал Валерий. – Но матросы, капитан? Как они могли не спастись? Странно это. И потом, этот владелец должен хватиться судна и нас соответственно.

- А зачем ему это? Он узнал, что судно утонуло, и схватился за голову. Твою мать, меня же могут посадить за такую благотворительность. Люди погибли. Тюрьмы в России страшные, туда лучше не попадать. Сейчас зачищает концы, а потом смотается за границу, спасать свою задницу, - доктор размышлял здраво и логично.

- Я бы так и сделал на его месте, - сказал Антон.

- Красиво раскладываешь, лепила, - сказал Белкин. – Эх, сейчас бы папиросочку крепкую.

- И спиртику, - добавил Зайцев.

- Медицинского? – спросил Белкин.

- Ага.

- А я бы и от технического не отказался.

- Ладно, версии все эти интересные, занимательные, я бы сказал; но нам надо думать о выживании – то есть о еде. Тут есть хоть какие-нибудь идеи? - обратился к народу Ковров.

- Да уже чего только не передумали, - сказал Пётр.

- Ты вчера предлагал искать яйца птиц, - напомнил ему артист.

- Я один, что ли, буду по лесу лазить их искать? По деревьям я не умею лазать.

- Так, - сказал Ковров и задумался немного. – Яйца, яйца. Птицы тут есть. Значит и яйца их должны быть где-то. Надо устроить облаву в лесу. Пойти всем в лес или почти всем и следить за птицами, где у них могут быть гнёзда. Кто умеет лазить по деревьям?

- Я лазил в детстве, но вы видели какие тут деревья? Какие у них стволы? – вопрошал Иван.

- Деревья, как деревья. А что? – не понял Ковров.

- А вы посмотрите внимательнее. И потом у меня другая идея появилась. Надо бредни сделать из одежды или из спасательных жилетов.

- Бредни – это что? – спросил Василий.

- Сразу видно, что человек не жил в деревне, - наконец подал голос Лев.

- Для этого нужны будут чьи-то футболки, - сказал Иван.

- Я мою не дам, - сказал Антон.

Ковров осмотрел народ и указал пальцем на Василия и Коркина, всё ещё валявшегося под деревом.

- Его и его.

- Почему я? – возмутился Василий.

- Это несправедливо, - вступился за него Валерий. – И почему он тут решает такие вопросы?

Белкин привстал в агрессивную позу.

- Потому что мы так хотим все, а ты не ерепенься, ментяра.

- Ребята, перестаньте, - попыталась сгладить конфликт Настя.

- Справедливо было бы вытянуть жребий, - не сдавался Валерий.

- Всё уже решили, кэп, успокойся. Эти кенты не против пожертвовать своим хламом во благое дело, - сказал Антон. – Всё равно от них толку никакого.

Лев взял за руку Валеру.

- Не лезь.

- Да, ладно, расслабьтесь, мужики, тут не холодно, не замёрзнете даже ночью, - успокоил, как мог, народ Иван.

Покровский снял с себя футболку; а Коркина и не спрашивали, его большая майка лежала у шатра в метрах пятнадцати от его тела. Иван и Антон порвали майку и футболку. Провозившись полтора часа, Иван связал их в одно целое. Настя удивилась его ловкости.

Пошли к заливу. Валерий остался у шатра разводить костёр при помощи очков Коркина. С ним остались Зайцев и Забоев.

Тряпки не так легко опускались в воду, это была не сеть, и Антон с Иваном намучались с его изобретением. На берегу их поддерживали Ковров, Настя, Пётр, Артист и Белкин.

- Вы там попробуйте. Там должно быть много рыбы, - давал советы Ковров.

- Давай попробуем, как рамкой водить, - предложил Иван. – Давай ведём к берегу.

Спустя полчаса мытарств в их бредень-рамку попались первые пять рыбок.

- О! Наконец-то! - обрадовался Артист.

- Кидайте их сюда, - скомандовал Ковров. – А ты собирай их, - приказал он Артисту.

Так они наловили девять рыбок. Рыбаки измучились и устали.

- Всё, харэ, - сказал Иван, вылезая на берег. – Устал.

- Молодец.

Настя поцеловала его в щёку.

Они направились к стоянке.

- Девять на десятерых никак не делится, - заметил Ковров.

- Мы по-любому голодными не останемся, - сказал Бондаренко.

- И Настя, - добавил Иван.

Валера развёл костерок. Рыбок поджаривали, нацепив их на острые палочки. Поджаренные складывали на большом зелёном листе какого-то растения, который принесла Настя.

- Как делить-то будем улов? – вопрошал Ковров.

- Одному точно ни хера не достанется, - сказал Белкин.

- Одну рыбку побольше можно поделить на две части, - предложил Валера.

- Грёбаный гуманист. Свою и дели с кем-нибудь, - сказал Бондаренко.

Собравшиеся у костерка островитяне не заметили, как к уже поджаренной рыбке подкрался Коркин.

- Эй! Ты чего творишь?! – заорал Иван.

Коркин буквально в мгновение проглотил одну рыбку с головой, хвостом и костями и схватил вторую.

Белкин бросился к нему, но Коркин успел проглотить и вторую рыбку.

- Ты, что! Падла!

Урка схватил барыгу за горло, но рыбку уже было не вернуть.

- Вот тварь!

Бондаренко смачно плюнул себе под ноги.

Ковров развёл руками.

- Вот урод.

Белкин врезал Коркину в челюсть, но тот устоял на ногах. Он был в два раза больше уголовника. От второго удара Коркин увернулся и сам съездил кулаком в глаз Белкину. Тот упал навзничь. На Коркина набросились Антон и Ковров. К ним присоединился вставший Белкин. Коркина повалили на песок и принялись пинать ногами.

- Прекратите! – кричала Настя.

К дерущимся бросились Валера и Зайцев. Они оттащили драчунов от тела Коркина. Правда, Зайцев получил в запале от Бондаренко нечаянно удар в глаз и упал на пятую точку.

- Забирайте мою рыбу, - сказал Валера.

- И мою, - проявил солидарность Зайцев.

- И мою тоже, - присоединилась к ним Настя.

- Люди вы или звери? – вопрошал Валерий.

У Зайцева появился фингал под глазом. Бондаренко и не подумал извиняться. Трое отказавшихся от еды островитян остались вместе, а другие пошли к стоянке к еде.

Рыбок быстро съели.

- Как будто ничего и не съел, - сказал Петя, обгладывая кости рыбки.

- А ты чего хотел? Тут всего грамм пятьдесят, - сказал Бондаренко.

- Да так мы ни хрена не наедимся, - заметил Белкин. – Только ещё больше есть хочется.

- Скорее бы дали о себе знать мафия или государство, - сказал Бондаренко.

- Ага, если, конечно, версия доктора не окажется правильной. Тогда нам точно конец, - сказал Иван.

Валера, Платон и Настя пошли в лес к источнику попить воды.

- Знаете, а я даже лучше начал себя чувствовать, оттого, что мало ем, - признался Зайцев. – Может быть, я тут похудею наконец? Еда – это зло и болезни.

Пришли к источнику. Вода казалась вкусной, как газировка. Валера пил воду из ладоней, за ним утолил жажду Зайцев. Последней к источнику подошла Настя. Она нагнулась, чтобы подставить ладони к воде. Через шорты выпирали её упругие ягодицы. Доктор уставился на них, как загипнотизированный удавом кролик.

Он жил и работал в Зарайске в центральной районной больнице.

- Скальпель, - скомандовал Платон.

Вика протянула ему скальпель. Он взял инструмент и задумался немного, глянув на Вику. Кажется, она опять была без нижнего белья. Мерзавка. Что она творит? Один только белый халат на упругом стройном хорошем теле. Это провокация.

- Платон Андреевич, - обратилась к нему Вика.

Что ей ещё надо? Ах, да, операция. Надо удалить часть кишечника этому толстому борову. Это кажется какой-то депутат. Точно депутат. Он вспомнил, как в приёмном отделении на него напал брат этого пациента рыжий и противный, похожий на олигофрена из вузовского учебника в медицинском институте. Этот типок орал ему, держа Платона за грудки:

- Ты знаешь, что мой брат – депутат, уважаемый человек и важная фигура в городе и районе?! Знаешь?! Если он умрёт – тебе конец! Я тебе это обещаю. Ты понял меня? Доктор Айболит.

Рыжий сверкал пустыми синими глазами.

- Ведите себя прилично, молодой человек, - сказал спокойно Платон.

Его спокойствие только раззадорило недоумка.

- Ты, доктор, вообще, ничего не понимаешь, что ли?!

Рыжий отпустил Зайцева.

- Если не успокоитесь, будете сами делать операцию вашему дорогому брату вместо меня, - пригрозил Платон.

- Смотри у меня. Я тебя предупредил.

Платон развернулся и пошёл. Он уже привык к угрозам. Его четыре раза грозили убить, два раза изнасиловать, пять раз покалечить. Это Россия. Менталитет. Родину не выбирают. Хотя, парочка его закадычных друзей ещё по институту свалила из нашей прекрасной страны.

Операция прошла успешно. Депутат, скорее всего, ещё будет жить приличное количество лет, а лучше бы и не жил, наверно. Платону почему-то разного рода чиновников и депутатов было совсем не жалко в отличие от простых людей. Его рыжий брат видимо порядочно зависел от него, был у него на побегушках каким-нибудь помощником, «сбегай принеси то, отнеси это, сделай нам чайку покрепче, пошёл в жопу». Он так и не научился даже при своём гнилом характере воровать и мутить серьёзные дела, как его старший брат. К сорока восьми годам Платон научился быстро читать характеры и судьбы людей по первому разговору с ними. Скоро пятьдесят! И чего он добился? На работе его уважали. Только за уважение в Матушке-России деньги не платят. Разве что, налом иногда за отдельные операции. Хирург в больнице кто-то вроде бога. Даже такой неказистый, склонный к полноте Платон пользовался бешеным успехом у медсестёр и врачих.

Он закрылся в ординаторской, приоткрыл форточку, махнул из мензурки немного медицинского спирта, разбавленного водой, и закурил, развалившись в кресле у окна. Курение

давало ему иллюзию кайфа. В ординаторской было темно. Платон любил отдыхать в темноте. В дверь постучали. Платон ничего не ответил. Он так и думал, что это Вика. Она тихонько прокралась к нему, держа деловито руки в карманах халата. Проказница чего-то хотела от него.

- Платон Андреевич, с вами всё в порядке? Платон Андреевич.

Зайцев молча выкинул бычок в форточку, притянул Вику к себе. Его голова находилась, чуть выше её пояса.

- Платон, ты что?

Он задрал её халат и жадно впился прокуренными устами в её солоноватую бритую ватрушку. Она и правда была только в одном халате и только ойкнула. Вика хотела было закрыть дверь изнутри, но поняла, что делать это уже поздно.

Вика, Вика, провокаторша и соблазнительница. Ей было столько же лет, сколько и Насте. У неё за плечами был неудачный брак с разводом лет семь назад. Муж у неё был неудачник и слабый на выпивку, впрочем, как и Платон. Почему она выбрала такого? Платон предполагал, что, скорее всего, из-за смазливой морды. Вика никогда ничего не рассказывала про своего бывшего, а Платон и не интересовался такой ерундой. От того брака осталась дочь Ксюша. Её Платон видел всего два раза, когда Вика приводила её с собой на работу. Зайцев предполагал, что коварная обольстительница, таким образом, хотела проверить его реакцию на ребёнка. Платон никак не отреагировал. Ему было не до детей. Вика ворвалась в его жизнь три года назад, когда устроилась в больницу. Сильная, сексуальная, ухоженная с симпатичной мордашкой крашеная блондинка. Те, кто были до неё у Платона, медсёстры и врачихи уступали ей по многим показателям. Она нагло вошла голая в душ, под которым отмокал голый уставший с обвисшим волосатым животиком Платон. Зайцев ошалел от такого подарка и не вылезал с Викой из душа минут сорок. Вика аккуратно отстранила от Платона всех его бывших медсестёр и врачих. Зайцев, привыкший к полигамии, сильно раздражался из-за этого беспредела. Ему стали докладывать о Вике разные сплетни. Одна медсестра доложила ему по секрету, что Вика жила с каким-то бандитом два года, пока того не убили. Этот бандит купил ей трёхкомнатную квартиру. Платон однажды наведался в гости к Вике. У неё, в самом деле, была трёхкомнатная квартира. Откуда она у неё появилась, он не спрашивал. Странный роман с Викой тянулся три года. Вика не понравилась маме Платона Диане Владимировне. «Слишком сильная и оборотистая, она будет держать тебя в кулаке и сотрёт в порошок со временем», - вынесла она суровый вердикт. Это было после общего ужина. После этого Вика больше никогда не приходила к Платону в его однокомнатную скромную квартиру, в которой он проживал с пожилой мамой. Платон не считал, что чем-то обязан Вике. Она сама его соблазнила, а он ничего ей не обещал. Ему нравилось быть одному, но дома это не получалось, там была мама, поэтому он любил прогуливаться по городу один, сидеть на скамейке и думать о чём-то своём глубоком и важном. Он сильно разочаровался в людях. Платон умел наблюдать за всем, в том числе за людьми. И он пришёл к выводу, что злодеи, которые захватили власть и денежные потоки в городе, районе, области, стране, намного сильнее и умнее серой массы обывателей. Обыватели поражали его своей глупостью, невежеством и пассивностью. Почему они такие недалёкие? Не всем, конечно, быть Аристотелями и Платонами, но почему их так много? Хорошие умные личности встречались крайне редко. А он сам, каков? Добрый ли он? Он сам не знал ответа. Все врачи циничны – это отпечаток профессии. Он не верил в бога и потусторонний мир. Смерть – это ничто, небытие. Мы живём, чтобы жить и всё. Лови момент, наслаждайся. А добро делать зачем? Если тебя за добрые дела потом могут грохнуть или покалечить. Сколько он спас людей и при этом его угрожали убить, изнасиловать и избить. Но, если нет смысла творить добро, то какой смысл может быть вообще в самой жизни? Ведь это будет вечный праздник для злодеев. И всё же добрые люди есть. Они не дают злодеям расслабиться и почивать на лаврах. Иногда злодеи несут наказание, благодаря стараниям добрых людей, а чаще из-за усилий таких же злодеев, стремящихся занять их тёплое местечко. Куда катится этот мир?

Чем дальше, тем Платону становилось страшнее одиночество. С матерью своей он был очень одинок. Они были разными людьми совершенно. Когда-то они жили в комнате в коммунальной квартире. Тогда у Платона ещё был отец. Он поколачивал мать. Отец не был дураком. Он был юристом. За что он бил мать, Платон не знал. Мать не поясняла. Он ушёл из семьи, когда сыну было восемь лет; ушёл и уехал в неизвестном направлении. Алиментов матери от него не удалось получить. За что он её так ненавидел? У неё был скверный, сухой, холодный характер. Наверно, она трепала ему нервы. Платону тоже было нелегко с ней. Он чувствовал, что уже не так силён, как раньше. Прошла молодость. Одно дело, когда ты полон энергии и сил, быть одному; совсем другое, когда близко беспомощное состояние старости. Кому ты тогда будешь нужен? Мать не вечна, детей нет. Некоторые держатся бодрячком и до девяноста и до ста лет. В преклонном возрасте могут появиться охотники до его квартиры. Его отправят в дом престарелых или подпоят отравленной водкой, а квартиру заберут. Платон понимал теперь мужиков, которые резко начинали создавать семьи после пятидесяти лет, над которыми он раньше смеялся.

Пару недель назад Вика предъявила что-то вроде ультиматума. Они сидели в кафе. В кои-то веки Вика вытащила Платона из его неуютного жилища. Платон позволил себе выпить лишнего. Вика пила какое-то вино, и, кажется, не пьянела. Платон никогда не видел её пьяной. Вот характер.

- Платон, я хотела с тобой серьёзно поговорить, - начала тогда Вика.

- Хочешь, сделать мне предложение? - иронизировал доктор.

- Избаловали тебя женщины. Знаю. Ты же звезда больницы, а я кто?

- Не надо этого. Ты прекрасный специалист. Я не хотел тебя обидеть.

- Предложение делать тебе бессмысленно. Ты как всегда увильнёшь или скажешь, что подумаешь. Мне будет обидно. Я вижу, что тебе ни фига не надо. Тебе и с мамочкой твоей хорошо.

- Перестань. Не пойму, к чему вообще ты затеяла этот разговор.

- Подумай. Ты же умный. Бабий век короток.

После тех посиделок в кафе у них секса не было. И только после операции Платон оторвался с ней по полной в ординаторской.

Он и раньше слышал от женатых мужиков, что жёны имеют обыкновение манипулировать своим передним местом для дрессировки и воспитания своих мужей. Такое отношение его, скорее всего, ожидало в случае женитьбы, что представлялось ему с годами всё более маловероятным.

Бабий век короток. Что она хотела этим сказать? То, что устала обхаживать его? Возможно. И, что она в свои тридцать пять найдёт ещё какого-нибудь дурака? А почему нет? Она красива. Да есть ребёнок. Ну и что? Зачем он ей сдался? Это было непонятно. Стареющий ипохондрик. Потому что он звезда местной больнички? Это глупо. Или всё же не глупо? Женщины клюют на всё яркое и блестящее. Она следила за ним, следила, чтобы он не напивался. Однажды, когда он в стельку пьяный не мог закончить операцию, Вика сама зашила разрез на оперируемом пациенте. Потом она попросила всех, кто был свидетелем скандальной ситуации, не докладывать об этом начальству. Бессознательного Платона отнесли в ординаторскую. Он даже толком не отблагодарил её за тот случай, буркнул невнятное спасибо и был таков. Почему она заботилась о нём? Любовь? Почему-то Платон не верил в это. Вика убедила его перейти на более лёгкие сигареты. Ему стало стыдно за то, что он не достоин был такой заботы. Хотя почему не достоин? Он же не просил никого о себе заботиться.

Платон курил, сидя на лавочке, недалеко от своего дома, когда ему на телефон пришло смс. Он прочитал сообщение. Его номер выиграл какой-то бесплатный круиз вокруг земного шарика. С чего бы это? Какая-то подстава или развод? Но тут же написано: бесплатно. Он дома залез в интернет и зашёл на сайт турагентства. Всё вроде было бы в порядке. На следующий

день он позвонил в контору, организовавшую круиз. Там всё подтвердили, его номер выиграл бесплатный билет, хотите, езжайте; хотите, не езжайте, дело ваше. Почему не ехать, если всё это удовольствие бесплатно? Вот и с Викой, как быть дальше, не надо голову ломать. Он позвонил ей только из Питера, сообщив о путёвке и круизе. Вика удивилась звонку.

- Почему ты мне об этом говоришь?

- Как почему?

- Ты же никогда мне не докладывал о своих действиях и делах.

«Всё надеется на то, что у нас что-то получится», - подумал Платон.

- Я думал, ты обидишься, если я тебе не скажу об этом.

- Хорошо, спасибо, Платон.

Только спасибо, Платон, и всё. Нет бы сказать: «Буду ждать». С другой стороны оно ему надо? И она это знает. Набивает себе цену. Коварная женщина.

За время плавания Платон собирался решить: переезжать к Вике назло матери или нет, а может быть даже предложить ей руку и сердце. Кто ж знал, что всё так выйдет. Что, если она нашла уже ему замену?

- Ты чего, Платон? – отвлёк от воспоминаний доктора Валерий.

Платон отвёл глаза от пятой точки Насти.

- Так, вспомнил старое. Лучше б, не вспоминал.

- Что-то грустное? – спросил Валерий.

- Да всякое-разное. Эх, сигаретку бы сейчас.

Двинулись обратно к стоянке.

- Меня почему-то терзают смутные мысли о том, что нас не найдут, - признался доктор.

- Почему? – спросила Настя.

- Это интуиция.

- Нам надо продержаться недели две и тогда обязательно найдут. Ну, пусть три недели, - сказал Валерий.

- Сможем ли? – усомнился Платон.

- Сможем. Бананы есть. Будем траву есть и насекомых, когда бананов не будет, - сказал Валера.

Глава 5

Настя плакала за кустарниками, где спряталась от других островитян. На неё неожиданно накатила истерика. Она думала, что непременно погибнет. Ведь шёл уже четвёртый день их пребывания на острове, но никто не спешил их искать и спасать. Она вспоминала маму и Игоря. Лучше бы она от него не уходила. Да, он ничтожество и сволочь, но все мужики такие, а если не все, то большинство. Надо было терпеть. Игорь. Может быть, он организует её поиски. Её плач услышали Иван и Валерий. Они нашли её.

- Ты чего, Настя? – обеспокоился Валера.

Иван присел на траву близко к ней и прижал к себе.

- Всё хорошо. Мы обязательно выберемся отсюда.

- Я не верю в это. Почему нас никто не ищет? Уже четыре дня прошло. Мне страшно.

- Насть, судно должно прийти в Россию дня через три или четыре, тогда и должны начаться поиски, когда станет понятно, что с нами что-то случилось. Нам надо держаться вместе и не унывать, - сказал Валерий.

Остальные островитяне валялись в тени под деревьями. Никто уже не хотел ловить рыбу, птиц или идти искать и собирать яйца. Все впали в апатию. Белкин и Бондаренко лежали рядом под деревом с необычайно толстым стволом.

- Ты знаешь, а я начинаю привыкать к голоду. Я сегодня съел один банан, и ничего, держусь. Жрать хочется, но всё равно терпимо, - признался Бондаренко. – Даже какие-то мысли стали появляться в голове, о чём никогда не думал.

- Избалованные вы. В тюрьме я и не такое испытывал. Там таким дерьмом кормили порой, что приходилось отказываться. Легче было голодать, - сказал Белкин. – А о чём мысли-то?

- О смерти, о жизни после жизни.

- Цапануло, значит. Вот так, парень, бывает, когда попадаешь в жестокие ситуации.

Пришла очередь Валерия и Льва идти собирать бананы. Непонятно почему, но так решил совет островитян. За бананами не ходили Бондаренко, Белкин и Ковров. Эта не справедливость бесила Валерия, но он решил пока не бунтовать. Лев никак не мог встать. Он лежал в шалаше. По его ногам и пузу ползали насекомые.

- Валер, не могу, сил совсем нет, прости.

- У тебя болит что-нибудь? – спросил Валера.

- Голова.

- Надо сказать Платону.

- И слабость ещё.

- Ладно, пойду один.

Валера сказал Платону, который сам был в разобранном состоянии, о Льве и пошёл в лес. Платон, нехотя, поплёлся к полковнику. Он решил разведать восточную и северо-восточную часть острова, где ещё не был ни разу. Где-то вверху о чём-то голосили птицы. Может быть, о нём. Деревья были высокие. В некоторых местах их густые кроны ощутимо закрывали от солнца землю. Там было темно. Из любопытства Валера вошёл в одно такое место и под его стопой что-то хрустнуло. Рукой он нащупал непонятный предмет и поднёс к глазам. Не может быть! Это была обёртка от шоколадки. Откуда? Впрочем, что тут удивительного, здесь же наверняка когда-то были люди. Он присел под дерево. Кажется, недалеко что-то хрустнуло. Валера прислушался. Шаги. Кто-то за ним следил? Он притаился. Его было плохо видно из светлых мест леса. Справа прокрался толстый Коркин. Куда он попёрся? Валерий проследил за ним. Коркин то и дело оглядывался по сторонам, но не заметил за собой слежки. У невысокого бугра толстяк остановился, попыхтел, перевёл дыхание, отодвинул широкие листья, которые Валера принял за кустарники, и о чудо, перед ним показалась дощатая дверь. Коркин исчез за

дверью и вылез из неё только через полчаса. Он что-то жевал с довольным видом. Наверно, очередную шоколадку. Коркин поплёлся обратно к стоянке, а Валерий двинулся к двери. За ней оказалось полутёмное пространство. У двери на стене Валера нащупал предмет похожий на фонарь. Нащупав выключатель, он включил его. Стало светлее. Светильник работал от батареи. Это был склад. В ряд выстроились ящики с едой: консервами, заспиртованным хлебом, шоколадом и крупой. Около стены Валерий обнаружил ракетницу, две лопаты, два топора и две пилы. Надписи на ящиках были на испанском языке. Валерий смог прочитать только "Чили" и "Аргентина". Значит, на острове когда-то были люди, а может быть и жили. Возможно, сюда периодически кто-то наведывается. Это было спасением.

Островитяне скучковались у шатра. Ковров сидел под деревом и с грустью смотрел на океан. Около него сидели Настя и обнимающий её Иван. Из леса вышел Валерий, в руках он держал ракетницу и скомканный чёрный пакет.

- Где бананы? – спросил его Ковров.

- У меня есть кое-что получше.

Валерий бросил к нему пакет.

- Что это?

Ковров развернул его.

- Шоколадки!

Все набросились разбирать шоколад, кроме Коркина, который смотрел на происходящее сумасшедшими глазами. Даже больной Лев восстал и схватил шоколадку.

- Откуда это? – спросил Ковров.

- Оттуда.

Валера указала на лес.

- А это, что у тебя?

Бондаренко первый заметил ракетницу.

- Ракетница. Я нашёл склад, полный жратвы и многих необходимых вещей. Теперь мы спасены.

Валерий присел около Насти и Ивана, жадно поглощающих шоколад.

- Спасибо тебе, Валера, - поблагодарила его Настя.

- Скажите спасибо вон тому члену международной организации, который давно обнаружил этот склад и там незаметно подъедался, - Валера кивком головы указал на Коркина. – Я проследил за ним и обнаружил склад.

- Сука! Крыса! – воскликнул Белкин.

- Смотрите, а он даже и не брал шоколадки. Сытый, - заметил Бондаренко.

- Он сам себя приговорил, - сказал Белкин. – А ты молодец, мент. Хоть я и не люблю вас, но всё же среди вас попадаются порой настоящие следопыты, знатоки своего дела.

Ковров сел на камень в позе пахана.

- Что будем делать с Коркиным?

- Казнить, - предложил Белкин.

- Простите, я хотел сказать, - мямлил Коркин. - Простите, пожалуйста.

- Ага, хотел. Ты хотел всё сожрать, - сказал Бондаренко.

- Такие косяки не прощаются, - сказал Белкин.

- Пусть он получает меньше еды, чем другие, - предложил Платон.

- Это слишком лёгкое наказание, - не согласился Антон.

- Ты предлагаешь его убить? – спросил Валера.

- В тюрьму садиться я не собираюсь за этого придурка, - сказал Антон.

- Давай отрежем ему руку, - предложил Белкин.

- Это не наш метод. Мы придумаем что-то более интересное, - сказал Ковров.

Он приказал Артисту и Трактористу охранять Коркина. Остальные все отправились к складу.

- Тут хватит еды месяца на три точно, - заключил Ковров, изучив склад.

Бондаренко и Иван полезли к ящику с шоколадом. Ковров шлёпнул им по рукам, как нашкодившим школьникам.

- Куда лезете! Хотите всё сразу сожрать, а потом подохнуть с голодухи.

- И то правда, начальник, - согласился с ним Белкин.

Бондаренко сделал кислую мину.

- Значит так, склад надо охранять, чтобы тут не сожрали всё под чистую. Иван, останешься тут до утра. Настя, возьми крупу и консервы, но не много, чтобы приготовить ужин. Нажираться не будем. Тебе, Иван, еду принесём. Ты смотри тут не ешь ничего, - решил Ковров.

На складе были и котелки для приготовления еды. Настя и Валера взяли четыре с собой. Были тут спички и соль.

- Кто-то позаботился о таких, как мы. Дай Бог ему здоровья, - сказал Лев. - Этот остров точно принадлежит какому-то государству.

- Там есть надписи "Чили", "Перу" и "Аргентина", - сказал Валерий.

- Возьмите лопаты и топоры, - скомандовал перед самым уходом Ковров.

Когда шли к стоянке, Лев шепнул Валере.

- Мне, кажется, я его где-то видел.

- Кого?

- Директора.

- Родиона?

- Да.

- Может, он тоже военный?

- Возможно, но что-то выправки не чувствуется. Впрочем, в армии нашей всегда было полно разгильдяев.

Подошли к стоянке. Артист, Тракторист и Коркин сидели под деревом у шалаша. Коркин заметно осунулся.

- Дай ему лопату, - приказал Белкину Ковров.

Тот молча кинул лопату Коркину.

- Будешь копать яму, - приказал Коркину Ковров.

Коркин пополз на коленях к Коврову.

- Пожалуйста, не убивайте меня. Я ещё вам пригожусь. Прости, ради всего святого. Я виноват, я сволочь, но я не заслужил этого. Бес попутал.

- За всё надо платить, - заключил Ковров. – Копай. Иначе мы тебя, и правда, убьём.

- Не надо! – взмолился Коркин.

- Надо было раньше думать.

- Это болезнь. Я болен, простите меня!

- Что за болезнь-то? – ехидно поинтересовался Бондаренко.

- Накопительство. Я с трудом расстаюсь с деньгами и вещами. Я несчастный человек.

- Доктор, ты слышал про такое? – обратился к Платону Родион.

- Нет. Я не психотерапевт. Возможно, это патологическая жадность или клептомания.

- Это, как в анекдоте, дайте мне таблеток от жадности и побольше, побольше, - вспомнил Бондаренко и засмеялся.

Процедура наказания барыги явно веселила его жестокую натуру.

- Что ты задумал? – спросил Валера.

- Он выроет яму, где будет сидеть, пока мы не простим его. Он скрысил от коллектива пищу, из-за чего люди могли умереть, по-моему, всё справедливо, - объяснил Ковров.

- Мы же люди, а не звери, а вдруг он и, в самом деле, больной, - защищал отверженного Валера.

- Ребята, не надо так с ним, - вступилась за барыгу Настя.

- В самом деле, может быть, простим его? - присоединился к ним Платон.

Ковров засмеялся.

- Вы понимаете, что вы творите? Вы говорите, что он неадекватный, больной. У нас теперь есть топоры и лопаты. Он ночью может убить нас. Его же били. Вдруг, он решит отомстить?

Против таких доводов ни у кого не возникло возражений.

Коркин под присмотром Белкина копал яму до самой ночи, копал, пока яма не стала выше его головы на метр. Барыга остался сидеть в яме. Белкин накрыл яму толстыми ветками. Получилось что-то вроде решётки.

- Раньше меня сажали в тюрьму, теперь я сажаю.

Белкин зло улыбнулся, оскалился и плюнул в лицо Коркину.

- Завтра, падла, продолжишь рыть яму в ширину и немного в глубину.

Настя приготовила ужин из кукурузной крупы и консервов. Атмосфера у костра была радостной, несмотря на происшествие с Коркиным.

- Мы же выпустим его? – спросила Настя.

- Посмотрим, как он будет себя вести, - сказал Ковров. – Человек должен страдать за то, что доставлял страдания другим.

Еду ели руками.

- Завтра надо посмотреть вилки или ложки на складе, - сказал Валера.

Настя принесла еды Белкину и Коркину. Белкин брезгливо бросил в яму початую консервную банку с тушёнкой.

- Жри, падла.

Коркин поймал банку.

- Мне тут холодно, - пожаловался он.

- Я принесу веток с листьями, - сказала Настя.

- Спасибо, Настя. Вы очень хороший человек.

Коркин родился в бедной семье. Родители его трудились на железной дороге на самых тяжёлых работах. Юношество его пришлось на девяностые годы, когда у некоторых его одноклассников стали появляться богатые вещи. Глеб завидовал. Он тоже хотел жить лучше. Иногда он подворовывал пирожки в булочных, мелкие вещи в других магазинах. Это у него хорошо получалось, так что он ни разу не был пойман. Никто не знал о его болезни – клептомании. Несмотря на то, что он выглядел неуклюже и жалко, его не гнобили другие дети ни в школе, ни во дворе. Он был им просто не интересен. Незаметный человек. Глеб никак не проявлял себя: не лез на рожон, не пытался выпендриваться перед девочками. В какой-то момент он осознал, что быть незаметным человеком очень выгодно. Он не хотел идти в армию. Родители не пытались его отмазать от воинской службы. Это были серые, забитые жизнью люди. Отец говорил, что служить надо, но сам никогда не рассказывал о своей службе и о том, к чему надо стремиться в жизни. Глеб уже предвкушал себе судьбу своих родителей – прожить маленьким человеком без амбиций и больших денег. От армии ему удалось отмазаться из-за плоскостопия, чему он был очень рад. Врачи неохотно признали его негодность. Ему пришлось надавить на них. Он прошерстил нужную юридическую и медицинскую литературу. Его угрозы подействовали на комиссию, готовую поставить под ружьё кого-угодно лишь бы выполнить план. Глеб оказался умнее и сноровистее своих родителей. Он закончил юридический колледж. Ещё во время учёбы он подрабатывал в разных местах, а потом начал заниматься ремонтом квартир. Так, ремонтируя квартиру женщине старше себя на пять лет, он запал ей

в душу своей основательностью и хозяйственностью. Она была не красавица, но у неё была большая квартира, пусть и на окраине Москвы. Они скоро поженились. «Жена нужна не для развлечений, а для нормального семейного очага, уюта и комфорта», - рассуждал Глеб. Деньги он копил основательно: копейка к копеечке. К середине нулевых у него было три магазина и ещё одна квартира, которую он сдавал. Родилась дочь. Изредка Глеб с супругой выезжали за границу. Не в самые дорогие страны, дорогие – это баловство. На него ни разу не наехали какие-то государственные органы или бандиты, видимо, по причине его незаметности. Не надо ерепениться, и всё будет гладко и спокойно, а чего ещё нужно нормальному, умному человеку. Глеб не выёживался, как некоторые бизнесмены – у него была обычная машина серого цвета; одевался он просто и неброско, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Однако ему пришлось вступить в некую организацию, какой-то местный союз предпринимателей, опасаясь, что, отказавшись от вступления, он может привлечь к себе ненужное внимание. С двумя членами этой организации, Мишей и Генкой, он завёл что-то вроде дружбы, иногда приезжал на посиделки с ними в маленькое кафе. Он их не понимал, но делал вид, что поддерживает их. Однажды они чуть его не подбили принять участие в каком-то митинге по поводу сноса какого-то старинного особняка в центре города. Какой дом? На хрен он им сдался? Ему была непонятна совершенно эта политика. Он кое-как увильнул от этой затеи. Миша и Генка были теми ещё развратниками - помимо жён, у них были ещё любовницы и вовсе краткие контакты с женщинами с пониженной социальной ответственностью. Глеб выглядел на их фоне просто ангелом и жалким девственником. В какой-то момент ему показалось, что он и в самом деле упустил нечто важное в своей жизни, и завёл связь на стороне. Это была не красавица, не модель, а продавщица из его магазина Надежда. Она приехала в Москву из ближнего зарубежья. За редкие контакты Глеб доплачивал ей пятнадцать тысяч к её маленькой зарплате. Эта сделка показалась ему очень выгодной и разумной. Он хвастался перед Генкой и Михаилом, что его любовница - молодая продавщица, которая собирается пойти в модели. Она творит такие чудеса в кровати, что он едва не потерял от неё голову. Дружбаны-бизнесмены просили его познакомить с ней, но Глеб был непреклонен, такая чудесница пригодится ему самому. Ему секс был не очень интересен. Да вроде приятно, но недолго всё это, так себе удовольствие. Глеб так и не переболел своей болезнью. Периодически он совершал кражи в супермаркетах, прятал в рукава и карманы шоколадные батончики и маленькие бутылочки коньяка. Однажды его поймали на кассе охранники. Он думал, что это катастрофа. О нём может написать «Московский комсомолец». Не способный дать отпор двум пожилым охранникам, Глеб покраснел от стыда и потерял дар речи. Его провели в подсобку. Глеб уже ожидал приезда за ним машины с полицейскими. Он не знал, как проходят такого рода задержания мелких воришек в супермаркетах. Охранники и какая-то тётка в фирменном жилете магазина что-то ему говорили, но он ничего не слышал, поглощённый полностью своим горем и предчувствием гибели. Эти люди из супермаркета замолчали, когда Глеб немного пришёл в себя. Он готов был выслушать, что от него хотели, но те молчали. Его, наверно, приняли за идиота или сумасшедшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.